

Лапшина Ирина Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Безопасность в цифровом мире», МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва,

Российская Федерация

Верескун Александра Константиновна, студентка 3-го курса кафедры «Безопасность в цифровом мире», МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, Российская

Федерация

РЕПАТРИАЦИЯ КОРЕЙСКОГО И ЯПОНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ С ТЕРРИТОРИИ САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: В работе рассматриваются проблемы репатриации в процессе возвращения корейского и японского населения с территории Сахалина и Курильских островов на родину. Проанализированы понятия репатриации и репатриантов. Особое внимание уделяется исследованию противоречий при согласовании вопросов репатриации между США, СССР, Японией и Кореей, а также недостаточному правовому регулированию в международном праве вопросов возвратной миграции.

Ключевые слова: возвратная миграция, миграция, репатриация, корейское и японское население Сахалина.

Annotation: The article deals with the problems of repatriation in the process of the return of the Korean and Japanese population from the territory of Sakhalin and the Kuril Islands to their homeland. The concepts of repatriation and repatriates are analyzed. Particular attention is paid to the study of contradictions in the coordination of repatriation issues between the United States, the USSR, Japan and Korea, as well as insufficient legal regulation in international law of return migration issues.

Key words: return migration, migration, repatriation, Korean and Japanese populations of Sakhalin.

В современном мире в условиях нарастающей глобализации и демографического кризиса особое внимание мирового сообщества отводится вопросам международной миграции [5]. Так в отчёте Международной организации по миграции (МОМ) указывается, что в 2020 году 281 миллион человек проживали в странах, отличных от стран их рождения, что составляет 3,6 % от мирового населения и является на 128 миллионов больше, чем в 1990 году, и более чем в три раза превышает расчётное число в 1970 году [4]. Исходя из этих данных, МОМ рассматривает возвратную миграцию, т.е. вид миграции, включающий миграционные потоки ранее выехавших мигрантов или их потомков, направленные на их историческую родину, как один из эффективных инструментов наращивания демографического потенциала и поддержания определённой структуры населения в странах с низким показателем уровня рождаемости.

Представляется, что столь стремительный рост значимости возвратной миграции связан с популяризацией одной из её форм — репатриации, т.е. права лица (например, беженца, военнопленного и т.д.), оказавшегося в силу различных обстоятельств (например, войны) на территории другого государства, на возвращение в страну, гражданином которой он является. Это, в свою очередь, стало закономерным следствием программ помощи в добровольном возвращении и реинтеграции (ПДВР), реализуемых многими государствами (Германией, Россией, Японией, Грецией, Польшей и т.д.) после Второй мировой войны и распада СССР.

Однако, стоит отметить, что создание этих программ и их осуществление требовало больших усилий и заняло длительный период времени, поскольку в международном праве отсутствовали и отсутствуют прямые универсальные или регионально-многосторонние международно-правовые нормы по репатриации, что связано со специфичностью самого процесса репатриации

соотечественников и презюмированием суверенной воли каждого государства в вопросах признания и обеспечения данного процесса [1]. Так в различных международных документах, таких как Женевские конвенции 1949 г., Протоколы 1977 г., Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., закрепляются только общие принципы и нормы относительно репатриации, статуса репатриантов, обязанности государства пребывания выпустить таких лиц, а страны происхождения — принять своих граждан [8]. В связи с этим каждый процесс возвращения граждан на родину после войн и других событий, вынудивших их покинуть страну происхождения, напрямую зависит от того, насколько эффективно будут взаимодействовать органы государственной власти в решении данного вопроса и насколько их решению будут благоприятствовать внешнеполитические обстоятельства.

Одним из ярких примеров наиболее сложной и длительной реализации права лица на возвращение в страну гражданства является процесс репатриации корейского и японского населения с территории Сахалина и Курильских островов после Второй мировой войны. Исследование данного процесса через анализ влияния внешних обстоятельств и принципов взаимодействия государственных органов США, Японии, Кореи и СССР позволит выявить аспекты, которые вызывают наибольшее затруднение при согласовании между государствами и требуют особого внимания от международного сообщества в части их закрепления в международных документах. Это позволит ускорить процесс репатриации и защитить права и свободы лиц, оказавшихся вне территории государства гражданства, что с учётом стремления современного общества к гуманизации представляется особенно актуальным.

В первую очередь необходимо проанализировать причины нахождения корейского населения на территории Сахалина и Курильских островов в 1945 г., для чего следует обратиться к развитию международных отношений между Японией, Кореей и Россией, начиная с 1868 г. В этот год в Японии произошла революция Мэйдзи, в результате которой новое правительство стало проводить

агрессивную внешнюю политику под лозунгом «богатая страна и сильная армия». В рамках этой политики в 1876 г. Япония отправила в Корею военно-морскую эскадру, вынудив корейские власти «открыть» страну и заключить Канхванский договор, согласно которому между государствами устанавливались дипломатические отношения на выгодных для японцев условиях. Затем последовала Японо-китайская война (1894-1895 гг.), принёсшая значительную прибыль монополиям Японии и оказавшая серьезное влияние на развитие тяжёлой промышленности. С этого момента правящей верхушке потребовались рынки сбыта и сырья, которыми могли стать Корея и Китай, однако для получения неограниченной экономической власти над ними следовало, в первую очередь, вытеснить Россию с Дальнего Востока. Эта цель Японии явилась одной из причин Русско-японской войны (1904-1905 гг.), по окончании которой в Портсмуте был заключён мирный договор, согласно которому Россия признавала интересы Японии в Корее, возвращала Японии арендованные на Ляодунском полуострове территории и южную часть Сахалина, разделённого по 50-ой параллели. Далее в 1910 г. Япония аннексировала Корею, ставшую фактически её колонией [2]. С этого момента и начинается основной процесс миграции корейского населения на территорию Сахалина.

Сразу после захвата южной части Сахалина (в Японии называлась префектурой Карафуто), японцы начали активно добывать (например, строить шахты для добычи каменного угля) и использовать природные ресурсы данной территории. Поскольку Япония не отказывалась от агрессивной политики в отношении России и Китая и использовала для этого все возможности, то большая часть японских мужчин находилась на военной службе, что стало причиной перемещения корейских поданных на остров [3]. Так, начиная с 1910-х годов, компания «Мицуи Майнинг» стала вербовать корейцев для работы на шахтах. Стоит отметить, что сначала корейцы уезжали в Карафуто на заработки, поскольку зарплата там была почти в три раза выше, чем в Корее. Согласно данным, приведённым Ю.И. Дин в монографии «Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграция в советское и российское общество», за

период 1910-1930-х гг. корейское население на Сахалине выросло в 251 раз [7]. Однако, к концу 1930-х гг. Корейцев стали переселять на Сахалин насильно. Корейцы прибывали на остров, оставляя семьи в Корее, им запрещалось носить корейские имена и говорить на корейском языке. Кроме того, и экономический интерес перестал быть столь привлекательным, как в начале данного процесса. Зарплата шахтеров шла в основном на сберегательные вклады почтового отделения банка г. Тойохара. Часть регистрационных книг с записями вкладов были потеряны во время военных действий, а часть захвачены Красной Армией в качестве трофеев, поэтому после войны многие сахалинские корейцы не смогли вернуть свои сбережения.

Таким образом, можно сказать, что вследствие сначала добровольной, а затем и принудительной трудовой миграции, корейское население на Сахалине сильно увеличилось. Так, на момент вступления Красной Армии на территорию Южного Сахалина, здесь проживало 23 498 корейцев, из них 15 356 мужчин и 8 142 женщин [7].

После капитуляции Японии Россия, выполнив соглашения, установленные Ялтинской конференцией, вернула Южный Сахалин и Курильские острова. При этом корейцы, проживающие на территории Сахалина, автоматически перешли под контроль советской власти. Однако, это не означало получение гражданства РСФСР в порядке оптации или трансферта, все представители корейского населения оставались лицами без гражданства на протяжении 25 лет и были вынуждены каждый раз брать разрешение у местных властей на выезд с острова.

Сложившаяся ситуация отчасти стала следствием статуса Японии и Кореи после Второй мировой войны, а также политикой, проводимой США и СССР. Так вопрос о послевоенном положении Японии и Кореи, которая являлась её колонией, был впервые официально рассмотрен в Каирской декларации США, Англии и Китая, подписанной в 1943 году. В декларации говорилось о том, что Япония будет лишена всех территорий, завоёванных и оккупированных ею с начала Первой мировой войны. Относительно Кореи приводилась следующая формулировка: «Вышеуказанные три великие державы (США, Англия, Китай),

помня о поработанном народе Кореи, решили, чтобы в должное время Корея стала свободной и независимой». Таким образом, фраза «в должное время» означала, что над Кореей возможно установление какого-либо контроля или опеки на некоторый срок. К Каирской декларации Советский Союз присоединился в июле 1945 г. в рамках Потсдамской конференции, на которой все условия касательно статуса Кореи и Японии были подтверждены [10]. Однако вопрос распределения контроля со стороны держав-победительниц над Японией и Кореей и их будущего государственного устройства оставался открытым и решался преимущественно в рамках Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в декабре 1945 г. и Сан-Францисского мирного договора, ратифицированного в 1952 г.

Так относительно Кореи мнения советского и американского правительства разошлись: США настаивали на установлении опеки и создании единой администрации во главе с военными командующими США и СССР, при этом корейцы отстранялись от управления и могли выступать только в качестве администраторов, консультантов и советников, а СССР выдвинул идею о создании Временного демократического правительства корейского народа посредством деятельности комиссии представителей США, Кореи и СССР. Последнее предложение было принято, однако корейские политические силы на юге были с ним не согласны, вспыхнуло восстание, которое привело к новой встрече США и СССР, на которой Советский Союз предложил вывести одновременно войска двух держав и предоставить право населению Кореи самостоятельно решить свои проблемы, американская сторона выступила с отказом и предложила передать дело на рассмотрение ООН. В результате деятельности Комиссии ООН по Корее была принята резолюция, согласно которой в Северной и Южной Корее под наблюдением этой комиссии осуществляются всеобщие выборы и формируется объединенное независимое правительство. Однако в итоге СССР не пустил Комиссию на территорию севернее 38-ой параллели, выборы прошли сначала только в Южной Корее, а затем в Северной Корее тоже было сформировано своё правительство, что

означало окончательный раскол государства.

Что касается Японии, то в основу её послевоенного устройства был положен «обратный курс», который осуществлялся преимущественно под контролем США: в основу японской Конституции 1947 г. была положен текст американской конституции. По инициативе США была восстановлена многопартийность, провозглашался отказ Японии от армии и права на ведение войны и т.д. Кроме того, послевоенная Япония не могла обладать государственным суверенитетом, правительство и император подчинялись Верховному Главнокомандующему союзными войсками до подписания мирного договора в Сан-Франциско в 1952 г. [13].

Таким образом, можно сказать, что положение Кореи и Японии подверглись серьёзным изменениям как в территориальном, так и в политическом устройстве, что не могло не сказаться на их отстранённости в отношении судьбы корейцев и японцев, находящихся на территории Сахалина.

На фоне переговоров США и СССР по поводу послевоенного устройства Кореи и Японии на Сахалине сформировалось представительство советской власти. Так в сентябре 1945 г. правительственная комиссия констатировала, что у корейского и японского населения на Южном Сахалине сохраняется мирное настроение: почитая японского императора, население принимает к исполнению распоряжения советской власти и гражданской администрации, рассчитывая получить взамен работу и средства к существованию [9]. В ноябре 1945 г. императором Японии издаётся рескрипт № 651 о создании управления по оказанию срочной помощи в репатриации японского населения. На основании этого рескрипта Верховное Главнокомандование союзнических войск обнародовало «Меморандум о репатриации», согласно которому подданных Японии должны были вывезти на родину. Кроме того, в 1956 г. в Токио было подписано трехстороннее советско-американско-японское «Соглашение о репатриации»: возвращению в Японию подлежали все японские военнопленные и гражданские лица (последние в добровольном порядке) [6].

Так начиналась репатриация японского населения с территории Сахалина

и Курильских островов, по итогам которой к лету 1949 г. было вывезено около 272 тыс. человек гражданского населения и около 8 тыс. военнопленных. В целом, можно сказать, что репатриация японцев прошла достаточно успешно и в разумные сроки. Стоит лишь отметить, что военному командованию приходилось каждый раз напоминать Сахалинскому обкому о необходимости сосредотачивать по 30 тыс. японцев ежемесячно в специальном отправном лагере, поскольку местные представители власти стремились растянуть репатриацию на максимально возможный срок. Это было связано с нехваткой рабочей силы на Сахалине и Курильских островах, необходимой для сбора урожая, функционирования фабрик и промышленных предприятий. Именно поэтому в первую очередь репатриации подлежали безработные, юристы, и секретари, крестьяне отправлялись на родину только после сбора урожая, а уже в последнюю очередь репатриации подлежали шахтёры и промышленные работники. Завершающим этапом в процессе репатриации японского населения можно считать заключение «Совместной декларации СССР и Японии» в 1956 г. [12].

В начале репатриации японского населения корейцы, находящиеся на Сахалине, официально являлись поданными Японии, поэтому рассчитывали на возврат в страну происхождения наравне с японцами. Однако официальных распоряжений относительно репатриации корейского населения не поступало ни от США, фактически контролировавшего Японию, ни от правительства самой Японии, ни от Кореи, которая была занята внутренними проблемами. Вопрос репатриации корейского населения не был рассмотрен в рамках трехстороннего советско-американско-японского «Соглашения о репатриации» и требовал отдельного внимания.

В шифрограмме на имя В.М. Молотова указывалось, что на территории Южного Сахалина учтено 23 298 корейцев, «о репатриации, которых никто никому указаний не давал». В 1946 г. Сахалинские власти докладывали в Москву, что «хуже других ведут себя корейцы, с их стороны были отказы от работы, два случая массовых собраний, требования отправить их в Корею». В

такой ситуации военное командование на Дальнем Востоке запрашивает указания правительства о репатриации корейцев Южного Сахалина, к документу был приложен проект постановления Совета Министров СССР, согласно которому предлагалось вернуть корейской население Сахалина и Курильских островов на родину в 1948 г. Однако параллельно проходила переписка правительства с обкомом Сахалина, который убедил Москву в нехватке рабочей силы и угрозе остановки производства в связи с репатриацией корейцев. Так со стороны СССР было принято решение отложить репатриацию, а в 1950 г. на территории Кореи началась война, что сделало невозможным возвращение корейцев, исходя из моральных и этических аспектов. В дальнейшем между Южной Кореей и СССР отсутствовали дипломатические отношения, а США, находясь в условиях холодной войны с СССР, отказались быть посредником между странами. Кроме того, стоит отметить, что в послевоенное время США тоже рассматривали вопрос о репатриации корейского населения: об этом говорят запросы, в которых идет переписка штаб-квартиры военной администрации в Корее со штабом SCAP, а также черновики писем, так и не отправленных представителям советской власти. Такое решение было принято США в связи с опасением нехватки материальных ресурсов для перемещения, размещения и содержания сахалинских корейцев на территории Южной Кореи.

Таким образом, совокупность перечисленных выше внешнеполитических обстоятельств, а также отсутствие норм международного права, устанавливающих временные сроки репатриации, ответственность за непроведение репатриации и другие правовые рамки для этого процесса, не позволили сахалинским корейцам вернуться на родину.

Только начиная с 1960-х г. отношения между странами стали восстанавливаться, а вопрос о репатриации корейского населения Сахалина вновь стал обсуждаться. Так, в 1965 г. Япония выплатила Республике Корея компенсацию в размере 300 млн. долларов в обмен на признание того, что все правовые и имущественные вопросы, связанные с колониальной эксплуатацией Кореи со стороны Японии полностью решены. Однако, на данном этапе Корея

даже не подумала о том, чтобы выделить часть средств на репатриацию своих соотечественников, более того в Конституции Южной Кореи указывалось, что корейцы, находившиеся за рубежом в момент провозглашения Республики Корея, не могут являться её гражданами. После этого сахалинские корейцы направили различные письма в МИД СССР и в отделения Общества Красного Креста разных стран с просьбой о помощи. Движение за репатриацию корейцев набирало обороты. На Сахалине, в Японии и Корее стали появляться общества по проблемам сахалинских корейцев. Но первые переговоры между отделениями Общества Красного Креста СССР и Японии состоялись только в 1973 году, на них было выражено согласие СССР на выезд корейцев при условии наличия у них японской въездной визы и передан список всех тех, кто желает вернуться на родину. Однако, никаких действий не последовало. Тогда четверо сахалинских корейцев первого поколения подали иск к японскому правительству, разбирательство длилось 15 лет, и в 1989 году суд был вынужден закрыть его без вынесения приговора из-за смерти некоторых истцов. После окончания суда министр иностранных дел Японии признал моральную ответственность японского правительства, что послужило началом совместной работы СССР, Японии и Республики Кореи по поиску компромиссных решений. В мае 1994 году первые 45 сахалинских корейцев прибыли на территорию Южной Кореи в специально построенный дом престарелых, а в ноябре были окончательно приняты требования по оказанию помощи сахалинским корейцам, в частности, проводить репатриацию поэтапно и в соответствии с возрастом, разрешить вывезти денежные средства, полученные от реализации имущества на Сахалине, принять закон о двойном гражданстве для сахалинских корейцев, обеспечить выплату льготных пособий и т.д. Так в рамках пилотного проекта, на который через Красный Крест Японией было выделено 3 миллиарда 26 миллионов йен, в 2000 году около 1000 корейцев вернулись на родину. По данным «СООО РССК» на 2019 год по программе с Сахалина в Корею переехало около 4 тысяч корейцев [11].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что опыт перемещения

корейского населения с территории Сахалина и Курильских островов представляет собой пример того, как незаинтересованность стран в проведении репатриации и стечение внутренних и внешних политических обстоятельств в условиях отсутствия нормативно-правовой регламентации относительно порядка и срока репатриации, требований к осуществлению права лица на возвращение в страну гражданства, а также какого-го либо контроля со стороны международного сообщества может занять временной период длиной в более половины века, разрушив тысячи судеб мирных граждан. В связи с этим следует указать на недостаточную регламентацию международно-правовыми нормами процедуры и оснований возвратной миграции, отсутствие международной организации по контролю над процессами реинтеграции, которая, по мнению авторов, должна быть создана на основе договоров между заинтересованными странами.

Библиографический список:

1. Агаджанян М. Репатриация соотечественников: вопросы правового обеспечения и эффективной реализации // 21-й ВЕК. 2006. № 1 (3). С. 22-46.
2. Афонин Б.М. Япония и бывшие страны-противники после окончания Второй мировой войны // Россия и АТР. 2015. С. 21-33.
3. Бутакова, А.А., Лавелина, Ж.А. Русские корейцы: история переселения и особенности аккультурация // Вестник музыкальной науки. 2022. Том 10, № 4. С. 235-245.
4. Доклад о миграции в мире за 2022 год. Веб-сайт Международной организации по миграции (электронный ресурс) URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2022-interactive/> (дата обращения: 24.04.2023).
5. Мир, достоинство и равенство на здоровой планете. Веб-сайт Организации Объединённых Наций (электронный ресурс) URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/population> (дата обращения: 24.04.2023).
6. Северная и Южная Корея. Сахалинские корейцы. Веб-сайт,

рассказывающий об облике Кореи и жизни корейцев (электронный ресурс) URL: <http://www.koreana.ru/?ysclid=lgv8d2p4xr452629527> (дата обращения: 24.04.2023).

7. Дин Ю.И. Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграция в советское и российское общество / Ю.И. Дин. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2015. 332 с.

8. Жампеисов Д., Рязанцев С., Перемышлин С., Жампеисов Д. Опыт стран Центральной Азии и Российской Федерации в вопросах управления этнической репатриацией // *Central Asia and the Caucasus*. 2020. Том 23, № 1. С. 138-152.

9. Кузин А.Т. Проблемы послевоенной репатриации японского и корейского населения Сахалина // *Россия и АТР*. 2010. № 2. С. 76-83.

10. Оспанов Н. М. Корейский вопрос в период 1945-1948 гг. // Сборник материалов с конференции «Фундаментальные и инновационные проблемы востоковедного образования и науки». 2011.

11. Пак А.Г., Савкович Е.В. Программа репатриации корейцев Общества Красного Креста Республики Корея и Японии // *The Newman In Foreign Policy*. 2019. № 47 (91). С. 41-46.

12. Панов А.Н. Советско-японская Совместная декларация 1956 года: сложный путь к подписанию, нелёгкая судьба после ратификации // *Японские исследования*. 2019. № 2. С. 63-94.

13. Сейдыбаева Б.Ш. История государственно-правового развития Японии после Второй мировой войны // *Вестник науки и образования*. 2019. № 12 (66). Часть 1. С. 37-39.